

Ю.В. ЛАТОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ И СКАЛЯРЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОННИКОВ ПЕРЕМЕН

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. На материалах мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН последних лет рассматриваются социально-политические (связанные с идеологическими ориентациями) характеристики россиян, которые являются сторонниками перемен в стране. Анализ данных общероссийского опроса осенью 2018 г. позволил выделить те группы (18% выборки), в которых желают перемен существенно чаще (более чем в полтора раза), чем другие россияне. Самый сильный вектор желания перемен оказался связан с либеральной идеологией, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологии. Выявление векторов (идеологических направлений) желания перемен дополнено измерением их скаляров (силы) по данным о реальном участии респондентов в массовых выступлениях последних лет. Такой подход позволяет выделить «ядро» акторов стремления к переменам – 6% населения, которые не только демонстрируют повышенное желание перемен, но и почти в 2 раза чаще других россиян участвуют в массовых акциях. В «ядре» либералы преобладают над русскими националистами, но слабее, чем в ранее выделенных «идеологических» группах с повышенным желанием перемен. Это показывает, что в «ядре» может наблюдаться взаимная нейтрализация сторонников разнонаправленных (либеральных и националистических) изменений.

Ключевые слова: запрос на перемены • акторы запроса на перемены • идеологические ориентации • массовые выступления • социологические опросы

DOI: 10.31857/S013216250007738-4

«Запрос на перемены» как проблема. В последние годы в России приобрело популярность обсуждение «запроса на перемены» (см., напр., [Российское общество..., 2018; Петухов, 2018]). По результатам социологических опросов, в обществе после 2014 г. быстро меняется соотношение приверженцев «стабильности» и сторонников «существенных перемен». Согласно данным общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, число полагающих, что «страна нуждается в существенных переменах, политических и экономических реформах», росло с осени 2014 г. и осенью 2017 г. превысило (впервые за 2010-е гг.) число россиян, ориентированных на статус-кво (рис). Последние опросы (март 2018 г. и июнь 2019 г.) показали существенное превышение сторонников перемен (соответственно 56 и 57% респондентов) над сторонниками стабильности. Казалось бы, при таких темпах доля желающих перемен к 2024 г. вплотную приблизится к 100%, что, очевидно, будет означать неизбежность их наступления.

Однако интерпретация роста желания перемен как нарастания их неизбежности вряд ли корректна. С одной стороны, возможна ситуация, когда примерно равновеликие социальные группы желают диаметрально противоположных перемен, формируя феномен «лебедя, рака и щуки». В этом случае существующая политическая власть может долго сохраняться, играя на разнонаправленности этих желаний. С другой стороны, принципиальное значение имеют не только вектора, но и силы (скаляры) запроса на перемены. Ведь даже если подавляющее

Рис. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены (2012–2019 гг., в % к числу опрошенных)

Примечание. Сроки проведения исследования: м – май, о – октябрь, и – июнь.

большинство граждан желает одного и того же, но желает слабо (т.е. не готово ради реализации своего желания чем-то хотя бы временно поступиться и что-то сделать), то желаемые перемены могут неопределенно долгое время не переходить в реальность.

Обсуждая «запрос на перемены» надо понимать: этот термин-мем не нейтрален, а является частью российской системы «эзоповой речи» и задает определенную идеологическую (критическую по отношению к существующему политическому режиму) ориентацию обсуждения объективной проблемы желательных изменений «правил игры». Данный мем восходит к популярной песне конца 1980-х «Мы ждем перемен» Виктора Цоя, ставшей одним из символов движения за радикализацию «перестройки» («Перемен требуют наши сердца...»). Этот символ был удобен, поскольку, никак не обозначая направление перемен, он привязывал стремление к ним к «приватному» (не-государственному) дискурсу («всё находится в нас») и придавал этому желанию сильную позитивную эмоциональную окраску. На протяжении 2000–2010-х гг. использование мема «перемены» устойчиво воспроизводилось в рамках либерально-оппозиционного дискурса. Так, в декабре 2008 г. во время учредительного съезда «Солидарности» (среди ее руководителей был Б. Немцов) песню «Мы ждем перемен» объявили гимном этого движения. Поэтому к ответам респондентов общероссийского опроса по поводу «запроса на перемены» следует относиться с осторожностью: формулировка вопроса содержит «намек», задающий смысловые рамки обсуждения. Конечно, многие респонденты не ассоциируют «перемены» с либеральным дискурсом и понимают их в соответствии с общекультурным смыслом данного слова, как обозначение любых качественных изменений. Но как и какие именно социальные группы понимают эти изменения? Насколько они готовы поддерживать свои желания действиями?

Итак, фиксируемый в социологических опросах рост «запроса на перемены» является не столько эмпирическим фактом, сколько значимой социально-политической проблемой. Не ясно, насколько одинаково респонденты понимают смысл «перемен», насколько массовое (более чем у половины россиян) желание перемен совпадает с либерально-оппозиционным дискурсом этого мема; какова сила этого желания у разных социальных групп.

К ответу на вопросы, кто и насколько сильно в современной России хочет перемен, можно подходить с двух общеметодологических позиций. Одна из них, социально-психологическая, выражена в классическом труде Т.Р. Гарра «Почему люди бунтуют?»:

протестные настроения и насильственные действия связаны в первую очередь с массовой депривацией, из-за чего недовольные своим положением и ранее аполитичные люди идут за диссидентскими лидерами. В предисловии к российскому изданию своей книги Гарр прямо указал: его книга была написана на основе априорного предположения, что исследуемое явление «возникает как *нерациональная* [курсив мой. – Прим. Ю.Л.] реакция на фрустрацию» [Гарр, 2005: 34]. В современном мире более актуально второе объяснение стремления к переменам – социально-политическое, обусловленное сформировавшимся на Западе в 1960-е гг. научным дискурсом о политической социализации (см., напр., [Шестопал, 2005; Гатиева, 2010; Щеглов, 2015]). В соответствии с этим подходом в развитых обществах политическая социализация происходит не ситуативно, под влиянием кризисных событий, а целенаправленно в молодости, в процессе образования. Впоследствии взрослые люди постоянно политически самоопределяются, воспроизводя в своем сознании идеологические представления о желаемом настоящем и будущем. Возможное недовольство своим личным положением при таком подходе лишь дополняет и корректирует недовольство, детерминированное идеологическим самоопределением и социально-экономическими проблемами общества.

В условиях массовой (не всегда глубокой и устойчивой) политизации людей на первый план выходят не социально-психологические, а социально-политические предпосылки протестов («за державу обидно», «несправедливо», «нет свободы» и т.д.). Правда, в отечественном научном дискурсе популярно мнение о падении значения идеологической мотивации политических действий и настроений, поскольку они очень часто возникают по поводу конъюнктурно-злободневных проблем (как это было, например, в текущем году в Екатеринбурге вокруг строительства храма или выборов в Мосгордуму) и вообще нередко организуются «политическими режиссерами» за счет масштабных финансовых ресурсов. Но форма политической жизни, когда социальные противоречия проявляются не прямым противостоянием сторонников разных идеологий, а через множество конкретных «житейских» ситуаций с участием материально заинтересованных акторов, является нормальной на протяжении последних двух-трех столетий (вспомним хотя бы «дело Дрейфуса»). Идеологические установки были и остаются фундаментом обсуждения таких ситуаций, играя основополагающую роль в политической жизни.

Именно социально-политические предпосылки желания перемен, связанные с идеологическими ориентациями россиян, и будут далее анализироваться. Речь идет о поиске социальных групп, которые по идеологическим соображениям не приемлют существующих «правил игры», желают их изменить и демонстрируют готовность к протестным акциям (участие в них). Данный анализ развивает традицию изучения формирования в России XXI в. социального сообщества людей, заинтересованных в переменам и способных к активному социальному действию (см., напр., [Бызов, 2016; Волков, Колесников, 2017; Петухов, 2018; Левашов, 2018]).

За рамками анализа оставлен вопрос, каких конкретно «перемен» (институциональных изменений – политических, экономических, социальных...) желают разные группы. Как показывает история, в периоды нарастания протестных настроений (например, в России накануне 1917 г. или 1991 г.) на первый план выходит негативное политическое самоопределение («против чего боремся?»), в то время как позитивное самоопределение («за что боремся?») актуализируется после смены политического режима.

Для выяснения векторов (идеологических направлений) и скаляров (силы) сторонников перемен воспользуемся данными проведенного в октябре 2018 г. общероссийского опроса из мониторинговой (с полугодовым интервалом) серии общероссийских опросов по репрезентативной выборке 2014–2018 гг. Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках проекта РНФ № 14-28-00218 (подробнее о проекте см.: [Двадцать пять лет социальных трансформаций, 2018]).

Векторы желаний перемен. Для понимания, с каких идеологических позиций респонденты желают существенных перемен в современной России, предварительно необходимо решить вопрос, как определять «идеологичность» респондентов. Сам набор базовых идеологий – либерализм (защита свободы), социализм (защита справедливости), национализм (защита единства) и консерватизм (защита стабильности) – не меняется примерно полтора века за исключением раскола внутри национализма (в XX в. произошло качественное расхождение между защитниками этнического и государственного единства). Для определения, какой идеологии привержен конкретный индивид, возможны два метода идентификации – по субъективной оценке (самоидентификации) и по объективным критериям (по тому, ценности из какого идеологического набора предпочитает индивид). Второй вариант, когда идеологическую идентификацию респондента осуществляет исследователь, а не сам респондент, представляется более правомерным. Это связано с тем, что, как показывают исследования последних лет (см., напр., [Бызов, 2019]), в современном российском обществе наблюдается своего рода «усталость от идеологии»: большинство россиян либо выступают за «сочетание разных идей» (примерно 15%), либо «не являются сторонниками никаких идейных течений» (примерно 40%), либо затрудняются определить свою идеологическую позицию (еще примерно 15–20%). Однако затруднения с политической самоидентификацией отнюдь не означают, что у 70–75% россиян нет идеологических ориентаций. За формальным доминированием аполитизма на самом деле скрывается реальное (пусть не слишком резкое) идеологическое размежевание, которое люди редко рефлексируют. Но если люди не осознают, что говорят прозой, это не значит, что они ею не говорят: когда в 2014 и в 2018 гг. респондентам задавали конкретные вопросы, выявляющие их идеологические ценности/ориентации, то доля «безразличных» сразу резко падала до всего лишь 8–9%, а остальные 9/10 россиян вполне могли сказать, какие идеологемы им ближе¹.

Идеи и лозунги для будущей России, между которыми респондентам предлагалось во время опросов сделать выбор (табл. 1), соответствуют всем пяти идеологическим ориентациям, наиболее значимым в настоящее время в нашей стране (как и в большинстве стран мира): либеральной (рынок, западничество, демократия), националистической (власть русских), социалистической (справедливость), державнической (великая российская держава) и консервативной (национальные традиции)². Лишь одна идеологема – сильная власть – не имеет однозначной артикулированности, поскольку она имманентно присуща всем не-либеральным идеологиям, не разделяющим априорных опасений перед государством-«Левиафаном». Приверженность россиян этим идеологемам отличается высокой стабильностью. Если сопоставить данные опросов 2014 и 2018 гг., то отмечаются лишь три существенных сдвига – рост популярности «прав человека» (с 27 до 37%) и «социальной справедливости» (с 47 до 59%) при снижении популярности «возвращения к национальным традициям» (с 35 до 27%).

¹ Далее в статье различаются собственно идеологии (системы ценностей) и идеологемы (конкретные идеологические ценности, входящие в ту или иную систему).

² Респондент мог выбрать одну или несколько (не более 3-х) идеологем, характеризующих желаемое будущее России. За рамками опроса остались идеологемы разных видов нерусского национализма (например, пантюркизм) и конфессиональной исключительности (исламский и православный фундаментализм), что оправдано, поскольку они в современной России локализируются в отдельных регионах и этноконфессиональных группах. Каждая идеология представлена в анкетах одной позицией; исключение – либеральная идеология, представленная тремя позициями. Такая асимметрия в принципе могла сместить результаты в пользу этой идеологии, представленной в закрытом списке ответов чаще других. Однако набор либеральных идеологем объективно шире других идеологических наборов. Кроме того, каждая из этих идеологем достаточно специфична именно для либералов, в то время как для сторонников любой другой идеологии перечисленные идеологемы (свободный рынок, западничество, права человека) категорически не являются центральными, хотя и могут приниматься как своего рода «защитный пояс» в идеологической борьбе.

Таблица 1

**Соотношение идеологических ориентаций, выраженных в представлениях
о будущем России, и отношения к переменам (в %)**

Обозначения	Представления (идеологемы) о желаемом будущем России	Доля желающих перемен среди сторонников данной идеологемы, осень 2018 г.	Доля сторонников данной идеологемы среди всех респондентов	
			осень 2018 г.	осень 2014 г.
Либеральные идеологемы				
Л1	Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	65	14	13
Л2	Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	62	14	11
Л3	Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	56	37	27
Националистическая идеологема				
Н	Россия в первую очередь для русских	53	12	10
Социалистическая идеологема				
С	Социальная справедливость	51	59	47
Державническая идеологема				
Д	Россия должна снова стать великой державой	51	32	32
Идеологема, общая для всех нелиберальных идеологий				
НЛ	Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	50	26	26
Консервативная идеологема				
К	Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	41	27	35

Примечание. Для облегчения восприятия во всех таблицах процентные показатели приведены с округлением до целых.

Если выстроить идеи и лозунги в соответствии с иерархией частоты желания перемен приверженцами этих идеологем, то видно, что сильнее всего жаждут перемен либералы, слабее – русские националисты, еще слабее – социалисты и приверженцы державнической идеологии, а консерваторы замыкают этот ряд. Но это суждение лишь предварительно, поскольку в табл. 1 фигурируют пересекающиеся группы, а вовсе не «чистые» либералы, националисты и т.д.

«Чистые» политические ориентации в современной России вообще не слишком распространены – россияне очень часто сочетают приверженность отдельным идеологиям из разных идеологических систем. Поэтому для определения идеологических ориентаций наиболее решительных сторонников перемен необходимо перейти от анализа сопряженности желания перемен с *отдельными идеологиями-лозунгами* к пониманию его сопряженности с *отдельными наборами идеологий-лозунгов*.

Поскольку в анкете респонденты могли из списка с 8-ю характеристиками желаемого будущего выбирать не более 3-х вариантов, база данных опроса позволяет выделить 93 потенциально возможных набора («пакета») идеологем. Чтобы понять, какие именно наборы идеологических предпочтений сильнее всего сопряжены с желанием перемен, надо выделить наборы, у сторонников которых желание перемен выражено существенно сильнее, чем по выборке в целом. В качестве критерия очень сильного желания перемен примем, что в группе со специфическим набором идеологических предпочтений желать перемен должно не менее 60%. Многие такие группы очень малочисленны, поэтому будем рассматривать лишь те наборы, у которых есть не менее 10 сторонников (т.е. 0,25% от всей выборки)³.

Обработка данных опроса позволила выделить 25 наборов идеологем (табл. 2), приверженцы которых относительно многочисленны и демонстрируют очень сильное превалирование желания перемен над стремлением к стабильности.

Согласно таблице, приблизительно треть всех, кто желает перемен, сосредоточена в «идеологических» группах, составляющих вместе взятые 746 чел. (примерно 18% всех респондентов), в которых в среднем порядка 75% желают перемен. В остальной же массе респондентов (72%) желают перемен приблизительно 45%.

На основании этих данных можно говорить о поляризации населения России, с точки зрения распространенности желания перемен, на две неравные группы. С одной стороны, выделяется своего рода протестное ядро, составляющее менее 1/5 россиян. С другой стороны, есть основной массив граждан, у которых желание перемен выражено примерно в 1,7 раза слабее, чем в протестном ядре. Однако и в этом основном массиве стремление к переменам находится тоже на высоком уровне. Там нет групп, выделенных по специфичности наборов идеологем, с долей желающих перемен ниже 30% (как в России в целом до 2014 г.): рост стремления к переменам происходит в последние 5 лет во всех группах. Данное наблюдение опровергает популярное мнение, будто желание качественных изменений распространено только в малочисленных публично-конфликтных группах, «далеких от народа».

Как и следовало ожидать, протестное ядро состоит в основном из тех, кто в той или иной степени разделяет либеральные идеологии. Среди выделенных 25-ти групп респондентов лишь две (приверженцы «России для русских» и ее сочетания с «Россией как великой державой») не называли ни одну из либеральных идей. В трех наиболее многочисленных группах (всего 258 человек – 6,5% респондентов), которые с отрывом идут в начале списка, либеральные идеи доминируют, составляя либо две из трех, либо все три в специфическом «пакете» идеологем.

В то же время заметно, что стремление к переменам чаще свойственно не «чистым» либералам, а тем, кто сочетает либеральные идеологии с нелиберальными (чаще всего с социалистической и с державнической). Некоторые сочетания кажутся парадоксальными: например, в двух группах (в сумме – 35 человек, т.е. почти 1%) одновременно выбирали такие идеологии, как «свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику» (Л1) и «сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок» (НЛ). Если «чистых» либералов в протестном ядре 109 (примерно 2,5% выборки), то сочетающих либеральные и социалистические идеологии – 360 (9% выборки), причем к ним относится самая многочисленная группа, с большим отрывом возглавляющая список.

Если количественно оценить представленность в протестном ядре всех возможных сочетаний разных идеологических ориентаций, то выстраивается следующая иерархия разных наборов идеологем (идеологических «лагерей»):

---

³ Это соответствует общеметодологической установке, согласно которой малочисленные (менее 50 человек) группы респондентов правомерно выделять и анализировать, только если исследуемая характеристика выражена у представителей этой группы гораздо сильнее, чем в генеральной совокупности.

Таблица 2

Соотношение наборов идеологов и отношения к переменам (осень 2018 г.)

Наборы идеологов – представлений респондентов о желаемом будущем России								Количество приверженцев данному набору идеологов в общей выборке (N = 4000)	Доля желающих перемен среди приверженцев данному набору идеологов (%)	Обозначение группы приверженцев данному набору идеологов
Л1	Л2	Л3	Н	С	Д	НЛ	К			
+		+		+				131	81	«Социал-либералы»
+	+	+						64	83	«Чистые» либералы
	+	+		+				63	75	«Социал-либералы»
	+			+		+		51	63	«Социал-либералы» (?)
+				+	+			35	69	«Либерал-социал-державники»
	+			+	+			31	65	«Либерал-социал-державники»
			+		+			27	74	«Национал-державники»
+	+			+				27	63	«Социал-либералы»
	+	+			+			27	85	«Либерал-державники»
+		+			+			26	62	«Либерал-державники»
	+				+	+		26	77	«Либерал-державники» (?)
+		+					+	24	67	«Либерал-консерваторы»
		+			+	+		24	67	«Либерал-державники» (?)
+				+		+		22	64	«Социал-либералы» (?)
			+					21	62	«Чистые» националисты
+		+						21	71	«Чистые» либералы
		+	+				+	20	65	«Либерал-национал-консерваторы»
		+	+					17	83	«Либерал-националисты»
	+					+	+	17	88	«Либерал-консерваторы» (?)
	+				+			15	80	«Либерал-державники»
+								14	71	«Чистые» либералы
+					+	+		13	69	«Либерал-державники» (?)
+			+					10	90	«Либерал-националисты»
	+	+	+					10	80	«Либерал-националисты»
+	+							10	90	«Чистые» либералы

Примечание. Заливкой выделены группы с наиболее высоким (не менее 80%) желанием перемен. Знаком (?) выделены «сомнительные» случаи – все сочетания либеральных идеологов с нелиберальной идеологией сильной власти. Поскольку либерализм изначально строился на идее сдерживания государства «Левиафана», не ясно, можно ли считать либералами тех, кто принимает идеологему сильной власти.

- 1) «социал-либералы» – 294 респондента (включая 73 с «сомнительными» сочетаниями);
- 2) «либерал-державники» – 131 (включая 63 «сомнительных»);
- 3) «чистые» либералы – 109;
- 4) «либерал-социал-державники» – 66;
- 5) «либерал-консерваторы» – 41 (включая 17 «сомнительных»);
- 6) «либерал-националисты» – 37;
- 7) «национал-державники» – 27;
- 8) «чистые» националисты – 21;
- 9) «либерал-национал-державники» – 20.

Полученный список можно рассматривать в первом приближении как своего рода идеологическую «розу ветров», указывающую основные векторы желания перемен в современном российском обществе. Самые сильные векторы, как видно, связаны с сочетаниями идей либерализма, социализма и державничества, где либеральные идеологемы играют интегративную роль (это первые четыре «лагеря», объединяющие 600 респондентов, – 15% всей выборки). Прослеживается и другой вектор, связанный с интегративной ролью идеологемы русского национализма (105 респондентов из последних четырех «лагерей»), но гораздо более слабый. Гипотеза «лебедя, рака и щуки» на данном этапе анализа не подтвердилась: в современной России существует *главный вектор желания перемен, который связан с либеральной идеологией*, объединяющей вокруг себя также сторонников социалистической и (в меньшей степени) «державнической» идеологий. Те, кто «тянут» в другую сторону, интегрируясь вокруг русского национализма, в шесть раз малочисленнее.

Полученный вывод заставляет переоценить суждения о низкой популярности либерализма среди современных россиян. Хотя среди групп с наиболее высоким стремлением к переменам «чистых» либералов действительно немного, либерализм играет роль своего рода катализатора. Без «добавки» либерализма все другие идеологемы и их сочетания, как правило, гораздо слабее связаны со стремлением к переменам.

Скаляры желаний перемен. Опросы последних лет показывают рост желания перемен у россиян. Однако экспертный дискурс часто обходит краеугольно важный вопрос, насколько сильно это желание. В результате проблема мониторинга предпосылок для качественных социально-экономических изменений в стране неоправданно сужается до отслеживания динамики ответов в массовых опросах на повторяющийся из года в год вопрос, желают ли люди изменений в стране. Такой односторонний подход во многом мистифицирует реальную картину: ответы на «лобовые» вопросы об отношении респондентов к переменам сильно подвержены фреймингу, и в зависимости от того, как зададут вопрос, можно получить от респондентов очень разные ответы⁴.

Чтобы выяснить, в какой степени желание перемен является для россиян осознанной жизненной позицией, необходимо проследить связь стремления к переменам с определенными активными действиями либо, по крайней мере, с *готовностью к таким действиям*. Речь идет, прежде всего, о протестной активности, которая может быть не явной (когда люди реально становятся участниками протестных выступлений), а скрытой (когда люди не выходят, поскольку нет авторитетных политических лидеров, но в принципе готовы «выйти на площадь»).

⁴В материалах мониторингового опроса осенью 2018 г. есть парадоксальный результат: когда респондентам задавали вопрос «Если вы считаете, что перемены в стране нужны, какими бы вы хотели их видеть?», то лишь 10% (а не 49%, как при ответе на прямой вопрос об отношении к переменам) выбрали вариант «не считаю перемены необходимыми». Это можно истолковать так, что перемен («решительных», как полагают 30%, или «постепенных», по мнению 60%) в конце прошлого года желали даже не половина, а подавляющее большинство (9/10) россиян! На самом деле, конечно, здесь наблюдается эффект манипуляции сознанием респондента: интервьюеры предлагают определенную идеологическую рамку («...вы считаете, что перемены в стране нужны...»), лишь немногие респонденты замечают возможность эту рамку отвергнуть.

Таблица 3

Готовность россиян участвовать в протестных выступлениях (в %)

Периоды опроса	Ответы респондентов			
	безусловно да	скорее всего, да	скорее всего, нет	безусловно нет
Готовность принимать личное участие в митингах и демонстрациях в защиту демократических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т.п.)				
2016, март	4	13	41	42
2017, октябрь	4	10	37	49
2018, октябрь	6	14	44	37
Готовность принимать личное участие в митингах и демонстрациях в защиту экономических и социальных прав граждан (например, против пенсионной реформы)				
2016, март	7	22	34	37
2017, октябрь	4	16	34	46
2018, октябрь	11	21	35	33

Судя по опросам последних лет, готовность «выйти на площадь» у россиян определенно выросла, хотя и не очень сильно (табл. 3). Сопоставление опросов в октябре 2017 г. и октябре 2018 г. показывает рост (с 4 до 6%) готовности «митинговать» в защиту демократии, а также, ожидаемо (как результат пенсионной реформы), буквально скачок (с 4 до 11%) готовности защищать социально-экономические права. С учетом тех, кто готов участвовать в акциях протеста не «безусловно», а «скорее всего», опрос в октябре 2018 г. показывает 20% готовых «митинговать» в защиту демократических прав и свобод, а также 32% (почти треть россиян!) – в защиту своих экономических и социальных прав.

Если посмотреть, кто в конце 2018 г. был готов «принимать личное участие в митингах и демонстрациях» по хотя бы одному из поводов, в защиту демократии или в защиту социально-экономических прав, таких будет тоже треть выборки (33%). Это значит: 19% россиян готовы «митинговать» по обоим поводам; 13% – только по социально-экономическим; 1% – только по политическим основаниям. Переменами, за которые россияне массово готовы реально (не только на словах) бороться, являются изменения «экономических и социальных прав граждан», в то время как «защита демократических прав и свобод» играет роль лишь «добавки» к главным требованиям.

Логично было бы ожидать, что треть россиян, которые готовы участвовать в защите своих прав, в основном входят в ту половину россиян, которые хотят перемен (в силу недостаточной в настоящее время защищенности их демократических и социально-экономических прав). Но это не так: соотношение желающих перемен и стремящихся к стабильности среди тех, кто готов защищать свои права, оказывается почти таким же, как и среди россиян в целом (55% за перемены, 45% за стабильность). В таком случае действенную (не только вербальную) акторность в борьбе за желаемые перемены готовы проявить только 18% россиян (т.е. 55% от 33% всего населения).

Попробуем более строго определить тех, кто готов деятельно бороться за изменения, и рассмотрим те примерно 5–7% россиян, которые, по их словам, в последнее время лично участвовали в общественно-политических акциях⁵. Вновь обнаруживается, что желание перемен среди политически активных россиян не слишком превышает общероссийскую норму. Среди тех, кто, по их словам, в последние год-полтора участвовали

⁵ Осенью 2018 г. 4,7% выбрали ответ «Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.)» на вопрос «Приходилось ли вам в течение последних года-полутора лет участвовать в политической жизни?», а 6,6% выбрали ответ «С одобрением, сам принимаю в них участие» на вопрос «Как вы лично относитесь к людям, принимающим участие в протестных акциях, митингах, демонстрациях?» Далее речь пойдет в основном о второй группе респондентов (около 7%), многие из которых могли участвовать в протестных мероприятиях более чем за год-полтора перед опросом.

в общественно-политических акциях, желающие перемен составляют 57%; среди тех, кто одобряет протестные акции и сам принимает в них участие, – 61%. При такой оценке доля россиян, которые не просто желают перемен, но также имеют личный опыт публичной демонстрации своих желаний, сужается до 3–4%.

Взглянем теперь на проблему выявления действенности желания перемен с другой стороны. В предыдущем разделе было выявлено протестное ядро – группы россиян с преимущественно про- или полулиберальными идеологическими предпочтениями и очень высоким (превосходящим уровень других россиян более чем в полтора раза) желанием перемен. Подкрепляется ли у этих групп аномально высокое желание перемен повышенным участием в акциях, деятельностью лоббирующих перемены?

Если рассмотреть связь между приверженностью респондентов отдельным идеологиям и их отношением к протестным выступлениям (табл. 4), то, как и в предшествующем разделе, выделяются две идеологии, приверженцы которых демонстрируют повышенную протестную активность, – либеральная и националистическая. В обеих группах существенно (почти на 30%) чаще реально участвуют в митингах и демонстрациях, чем россияне в целом (не 7, а 9%). С точки же зрения готовности участвовать сторонники русского национализма даже существенно превосходят сторонников либерализма.

Чтобы уточнить вывод о корреляции между повышенным желанием перемен и повышенным протестным участием, перейдем, как и ранее, от анализа перекрещивающихся групп приверженцев отдельных идей к анализу неперекрещивающихся групп приверженцев отдельных наборов («пакетов») идеологием. Поиск наборов идеологических предпочтений, чьи приверженцы наряду с аномально высокой долей желающих перемен также аномально часто проявляют протестную активность (готовность участвовать в митингах/демонстрациях и/или фактическое участие в них), позволяет выделить семь групп респондентов (табл. 5), которых можно поделить на два «лагеря».

Как и следовало ожидать, сильнее всего здесь представлен либеральный «лагерь»: выделяется совокупность из 154 респондентов (около 4% выборки) с доминированием либеральных идеологием, среди которых примерно 75% желают перемен и 12% имеют опыт личного участия в митингах и демонстрациях. Второй, националистический, «лагерь» представлен слабее: в совокупности из 85 человек (чуть более 2% выборки) желают перемен 73%, а 13% лично участвовали в митингах и демонстрациях. В целом эти два «лагеря» имеют близкие характеристики, очень существенно различаясь лишь по численности – либеральный «лагерь» в 1,8 раза многочисленнее националистического.

Итак, поиск среди выделенных по их идеологическим предпочтениям групп россиян тех, кто является в современной России ведущими акторами стремления к переменам, привел к выделению двух совокупностей, в каждой из которых примерно в 1,5 раза чаще, чем среди других россиян, встречаются желающие перемен (абсолютное большинство в этих группах), и почти в 2 раза чаще – участвовавшие в митингах и демонстрациях (но участвующие остаются и в своих группах меньшинством – примерно 1/8). По идеологическим ориентациям эти две общности – либеральный и националистический «лагеря» – в значительной степени антагонистичны. Поэтому гипотеза «лебеди, жуки и рака», отвергнутая в предыдущем разделе из-за резкой (в 6 раз) разницы в численности приверженцев противоположных «лагерей», теперь получает определенное право на существование: представители либерального «лагеря» включены в реальные действия в среднем слабее, чем сторонники националистического «лагеря», поэтому разрыв между наиболее мобилизованными группами этих двух «лагерей» оказывается менее чем двукратным.

Заключение. Проведенный анализ социально-политических характеристик желающих перемен основан на реалиях политических катаклизмов последних десятилетий, когда даже в странах догоняющего развития формируется постоянная политическая включенность значительной части населения и для возникновения «революционной ситуации» уже не обязательно классическое «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс». Когда у людей есть стабильные социально-политические представления о должном

Таблица 4

**Соотношение идеологических ориентаций, отношения к переменам
и к протестным выступлениям (осень 2018 г., в %)**

Обозначения	Представления (идеологемы) о желаемом будущем России	Среди приверженцев данной идеологемы		
		доля желающих перемен	доля готовых участвовать в митингах и демонстрациях	доля участвовавших в митингах и демонстрациях
Либеральные идеологемы				
Л1	Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	65	10 – 22 – 31	7
Л2	Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	62	10 – 18 – 28	9
Л3	Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	56	12 – 23 – 35	10
Националистическая идеологема				
Н	Россия в первую очередь для русских	53	18 – 22 – 40	9
Социалистическая идеологемы				
С	Социальная справедливость	51	12 – 22 – 34	6
Державническая идеологема				
Д1	Россия должна снова стать великой державой	51	12 – 21 – 33	7
Идеологема, общая для всех нелиберальных идеологий				
НЛ	Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	50	14 – 22 – 36	6
Консервативная идеологема				
К	Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	41	13 – 17 – 29	6
Россияне в целом		51	11 – 21 – 32	7

Примечание. Поскольку готовые протестовать по социально-политическим мотивам являются в основном подмножеством тех, кто готов протестовать по социально-экономическим мотивам, то в четвертом столбце приведены данные только по готовым принять участие в «митингах и демонстрациях в защиту экономических и социальных прав граждан». В ячейках данного столбца в этой и в следующей таблицах приводятся три цифры: сначала доля ответивших «безусловно да», потом доля ответивших «скорее, да», а затем их сумма (т.е. общая доля тех, кто безусловно или скорее готов участвовать в митингах и демонстрациях). Полуширинным выделены наиболее высокие значения показателей потенциального и реального участия.

и сущем, то, сверяя их с потоком текущей информации, они изменяют свое желание перемен (качественных институциональных изменений) и (не)готовность ради них «выходить на площадь» уже не столько от того, насколько лично им хорошо или плохо, сколько от того, насколько текущие события (включая политику властей) соответствуют их идеологиям.

Выявление идеологием, среди носителей которых чаще всего встречаются желающие перемен в современном российском обществе, позволило выделить группы протестного

Таблица 5

Группы с аномально высокой протестной активностью (осень 2018 г., в %)

Представления (идеологемы) о желаемом будущем России										Количество приверженцев данного набора идеологем в общей выборке (N = 4000)		Среди приверженцев данного набора идеологем		
Л1	Л2	Л3	Н	С	Д1	НЛ	К			доля желающих перемен	доля готовых участвовать в митингах и демонстрациях	доля участвовавших в митингах и демонстрациях		
Либеральные и пролиберальные группы														
+	+	+						64	83		11 – 36 – 47		11	
+	+		+					27	63		11 – 15 – 26		19	
	+	+		+				63	75		18 – 10 – 27		11	
Националистические и пронационалистические группы														
			+					21	62		5 – 33 – 38		10	
			+		+			27	74		0 – 41 – 41		7	
		+	+					17	83		12 – 6 – 18		18	
		+	+			+		20	65		35 – 10 – 45		20	
Россияне в целом									51		11 – 21 – 32		7	

Примечание. Полушрифтным выделены наиболее высокие значения показателя потенциального и реального участия.

ядра (18% населения), в которых желают перемен более чем в полтора раза чаще, чем другие россияне. Представители этих групп в основном (более чем на 80%) являются приверженцами либеральных идеологем или (чаще) их сочетания с социалистической и/или державнической идеологемами.

Последующая проверка того, насколько часто люди не только заявляют о своем стремлении к переменам, но и подкрепляют это реальным участием в массовых выступлениях (или хотя бы готовностью принять в них участие), привела к выделению более узкого ядра акторов стремления к переменам: это – те 6% населения, которые демонстрируют не только повышенное желание перемен, но и более частое (почти в 2 раза чаще других россиян) участие в массовых акциях. В этом ядре идеологические симпатии распределены несколько иначе: либералы (многие из которых сочетают либеральные идеологеми с социалистической) по-прежнему преобладают над русскими националистами, но слабее (уже не в 6 раз, как при анализе идеологических предпочтений, а менее чем в 2 раза). Это показывает, что в ядре акторов в определенной степени наблюдается эффект взаимной нейтрализации сторонников разнонаправленных (либеральных и националистических) перемен.

В целом же в современной России, как показало исследование, наблюдается сильный контраст между высоким желанием перемен (у чуть более половины россиян в целом), более низкой готовностью к участию в массовых выступлениях за перемены (32%) и еще гораздо более низким наличием такого опыта (7%). Это подтверждает мнения (см., напр., [Ученые записки..., 2019]), что от роста желания перемен до их реального приближения у россиян будет, скорее всего, «дистанция огромного размера».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бызов Л.Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 1. С. 6–29.
- Бызов Л.Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 5–20.
- Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги, 2017.
- Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
- Гатиева А.М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. Вып. 3(64). С. 112–117.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018.
- Левашов В.К. Политическая культура современного российского общества: социологические изменения и практики // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 50–60.
- Петухов В.В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 8–23.
- Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
- Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Ученые записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Ученого совета (Москва, февраля 2019 г.). Выпуск второй. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.
- Шестопад Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4(39). С. 48–69.
- Щеглов И.А. Политическая социализация как проблема политической теории // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 160–163.

Статья поступила: 25.07.19. Финальная версия: 12.09.19. Принята к публикации: 18.09.19.

IDEOLOGICAL VECTORS AND SCALARS OF ACTION FOR PROPONENTS OF CHANGE

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yury V. LATOV, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Acknowledgements. This article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00277.

Abstract. The materials of monitoring studies of the Institute of Sociology of the FNIITS RAS in recent years examine the sociopolitical (related to ideological orientations) characteristics of those Russians who are supporters of changes in the country. An analysis of the database of the all-Russian survey on a representative sample conducted in the autumn of 2018 made it possible to single out avant-garde groups (18% of the population). They desire change more than one and a half times more often than Russians in general. The strongest vector of desire for change is associated with the liberal ideologeme, which also unites around itself supporters of the socialist and (to a lesser extent) «state-owned» ideologies. Liberalism plays the role of a kind of catalyst: without its «additive», all other ideologies and their combinations, as a rule, are much weaker associated with the desire for change. The identification of vectors (ideological directions) of the desire for change is complemented by the measurement of its scalars (force). Data on the actual participation of respondents in mass actions makes it possible to distinguish the «core» of actors for change differently: this is 6% of the population who demonstrate not only an increased desire for change, but also more frequent (almost 2 times more often than other Russians) participation in mass actions for change. In this «core», the liberals prevail over the Russian nationalists, but weaker (no longer by 6 times, but less than 2 times) than in previously identified avant-garde groups. This shows that in the «core» of the actors of striving for changes to a certain extent, there is an effect of mutual neutralization of supporters of multidirectional (liberal and nationalist) changes.

Keywords: request for change, actors of request for change, ideological orientations, opinion polls.

REFERENCES

- Byzov L.G. (2019) The Dynamics of Ideological and Political Preferences for 25 Years. Three Stages of the Transformation of Social Consciousness. *Rossiia XXI* [Russia XXI]. No. 1: 6–29. (In Russ.)
- Byzov L.G. (2016) Transformational Processes of the Russian Companies on the Background of Sociopolitical Crisis and Postkrymsky Syndrome. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 5–20. (In Russ.)
- Gatieva A.M. (2010) Political Socialization: the Basic Theoretical Approaches of the Research. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adygei State University. Ser.: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies]. Iss. 3(64): 112–117. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds) (2018) *Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Gurr T.R. (2005) *Why Men Rebel*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2018) Political Culture of Modern Russian Society: Sociological Measurements and Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 50–60. (In Russ.)
- Petukhov V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 40–53. (In Russ.)
- Petukhov V. (2018) Democratization of the Russian Society: Is Second Attempt Possible? *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 8–23. (In Russ.)
- Russian Society after the Presidential Election – 2018: Request for Change. (2018) Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Scientific Notes of the FCTAS RAS: Materials of the Meeting of the Academic Council* (Moscow, February 2019). Vol. 2. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Scheglov I.A. (2015) Political Socialization as a Problem of Political Theory. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 18: 160–163. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (2005) Political Socialization and Resocialization in Modern Russia. *Politiya* [Politeia]. No. 4(39): 48–69. (In Russ.)
- Volkov D., Kolesnikov A. (2017) *We're Waiting for Change. Whether There is Mass Demand for Change in Russia?* Moscow: The Carnegie Moscow Center. (In Russ.)

Received: 25.07.19. Final version: 12.09.19. Accepted: 18.09.19.